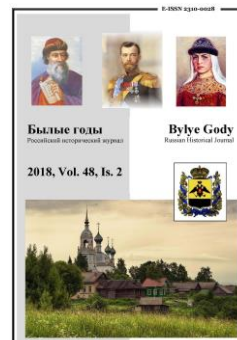

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 736-749. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.736
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of Church Intellectuals in Preserving the National Memory in the Arkhangelsk Governorate in the 19th and early 20th centuries

Ilya F. Vereshchagin ^a, Alexandr M. Tamitskiy ^{a,*}, Nikolay M. Terebikhin ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

Protection and extension of the remembrance culture are indispensable in the endeavor to preserve and augment the traditional spiritual and moral values underpinning the Russian society. *Intelligentsia* (a community of intellectual individuals), being purely Russian phenomenon and a specific sociocultural stratum formed in Russia in the 19th century, was tremendously aware of their paramount mission associated with protection and extension of the remembrance culture in the Russian society. This paper aims at revealing the role of the Orthodox Church intellectuals in the processes of actualization of historical memory as well as institutionalization of religious and cultural legacy of the Russian North. The research draws information from the materials found in the State Archive of the Arkhangelsk Region as well as in the eparchial church periodicals. Range of methodological tools used comprises methods of historical source studies employing the procedures of description, external and internal criticism as well as interpretation of written texts and artefacts. The paper provides analysis of contemporary historiographic situation as of the discussion of the research issue in question.

The research undertaken found that in the 19th and early 20th centuries provincial church *intelligentsia* from the Arkhangelsk Governorate played a significant role in protection and extension of the remembrance culture of the Russian North attempting to preserve its religious and cultural legacy. A repository of antiquities created by the Arkhangelsk Eparchy Ecclesiastical and Archeological Committee was of great importance for academic and educational reasons, while at the same time appearing as a genuine institute of memory destined to preserve, augment and immortalize the axiological legacy of the Russian North geocultural space.

Keywords: provincial church *intelligentsia*, memory culture, church-archaeological committee, archives, heritage, artifacts, the Russian North, church archaeology, patriotic upbringing, historical memory

1. Введение

Одной из наиболее важных задач многонационального государства в современном мире является достижение стабильности и гармонии в отношениях между населяющими его народами при сохранении целостности и суверенитета (Zaikov, Tamitskiy, 2016: 629). При этом сохранение и развитие культуры памяти является неотъемлемым условием сбережения и приумножения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества (Теребихин, 2014). Подобная задача стоит не только перед государством, но и перед активной общественностью, играющей значимую роль в патриотическом образовании и воспитании молодежи, в привитии ей высоких идеалов служения Отечеству, любви к своей большой и малой Родине. В этом смысле интеллигенция является той социальной группой, которая более всего причастна к решению актуальных проблем сбережения и творческого освоения культурного наследия народов России.

* Corresponding author

E-mail addresses: i.vereschagin@narfu.ru (I. Vereshchagin), a.tamitskij@narfu.ru (A. Tamitskiy), terebihinn@mail.ru (N. Terebikhin)

Существенную роль в актуализации коллективной памяти и институционализации наследия играла провинциальная церковная интеллигенция, которая, по мнению выдающегося исследователя истории церкви на Русском Севере профессора А.В. Камкина, сформировалась в преддверии XX столетия в среде служителей церкви (Камкин, 1992: 18). Именно она и была призвана сохранять историческую память через изучение, музеефикацию и популяризацию церковно-археологических и фольклорно-этнографических древностей.

Известно, что такие отрасли исторического знания, как краеведение, археология, археография, палеография и другие, развивались в том числе и исследователями, относящимися к церковной интеллигенции. В конце XIX в. в России появляются краеведческие, географические, археологические общества и комиссии по сохранению и изучению историко-культурного наследия различных регионов Российской Империи. Рост интереса к истории родного края и его этнографической самобытности привел к развитию целой сети музеев, не последнее место в которой занимали церковные древлехранилища. Они точно так же, как светские публичные музеи, выполняли важные общественно-значимые функции. Музей является важным институтом формирования и сохранения исторической памяти общества (Божченко, 2012: 113). В этом смысле некоторые церковные древлехранилища, в том числе Архангельское, ничуть не уступали светским музеям.

Целью статьи является раскрытие роли православной церковной интеллигенции в актуализации исторической памяти и институционализации религиозно-культурного наследия Русского Севера.

2. Материалы и методы

2.1. Наиболее важными источниками изучения роли церковной интеллигенции в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера в XIX – начале XX вв. являются архивные документы и епархиальная пресса. Все сохранившиеся материалы, связанные с деятельностью Архангельского епархиального церковно-археологического комитета и Архангельского епархиального древлехранилища, собраны в Государственном архиве Архангельской области в отделном фонде (ГААО. Ф. 510). Оригинальные же письменные и вещественные памятники старины сегодня распределены по архангельским и санкт-петербургским музеям и архивам. Члены Комитета в силу ряда причин не имели возможности публиковать значительную часть своей научной продукции отдельными изданиями. Поэтому они регулярно печатали свои статьи и заметки на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей», которые выходили в свет с 1888 по 1920 гг., т.е. практически одновременно с существованием Комитета и древлехранилища. Этот печатный орган имел стандартную для подобных церковных изданий структуру: делился на официальную часть (для опубликования официальных документов епархии) и неофициальную часть (в ней и размещались различные авторские материалы) (Vereshchagin, Zadorin, 2017: 1045). Местная церковная интеллигенция регулярно использовала Епархиальные ведомости для изложения идей и размышлений относительно церковно-исторических и фольклорно-этнографических древностей родного края.

2.2. При определении концептуально-методологических аспектов исследования авторы исходят из новейших разработок современного терминологического аппарата *memory studies*, представленных в монографии А.В. Святославского, по мнению которого наиболее общим понятием в данной области изучения является понятие культуры памяти (Святославский, 2013: 9). Методический инструментарий исследования образуют апробированные методы исторического источниковедения, предполагающие процедуры и приемы анализа, интерпретации источников, внутренней критики (анализа содержания) документов, материалов и артефактов, хранящихся в фондах провинциальных архивов и музеев, а также письменных источников (статьи и заметки), публиковавшихся в церковной периодической печати Архангельской губернии в XIX – начале XX века.

3. Обсуждение

Для современной отечественной и зарубежной историографии характерен растущий интерес к истории Русской православной церкви. Значительное внимание исследователи уделяют повседневной жизни дореволюционного провинциального духовенства и его составу (Бердинских, 1998; Леонтьева, 2002; Скутнев, 2009; Freeze, 1985; Plamper, 2000). Т.Г. Леонтьева поднимала вопрос о провинциальной церковной интеллигенции, отмечая, что священники порой становились краеведами исходя из своих обязанностей. Отечественный исследователь В.А. Бердинских также рассматривал сельского священника в качестве историка-любителя. При этом им выявлены такие предпосылки обращения духовенства во второй половине XIX века к истории и краеведению, как развитие культуры чтения, присутствие действующих губернских статистических комитетов, направленность краеведческой литературы на интеллектуального читателя.

Развитие получает изучение церковно-общественного бытия на Европейском Севере России (Туркина, 1998; Камкин, 1992). Профессор А.В. Камкин детально проанализировал различные сферы деятельности духовенства православной церкви на Русском Севере и зафиксировал образование в северных епархиях слоя провинциальной церковной интеллигенции в конце XIX века. Профессор

Н.К. Гуркина в своих исследованиях истории интеллигенции на Европейском Севере России уделила определенное внимание церковной интеллигенции как социальной группе.

В середине 90-х гг. XX века начинается возрождение традиций проведения церковно-археологических съездов. Первая Всероссийская научная конференция, посвященная проблемам церковной археологии, прошла на псковской земле, где зарождалось это научное направление (ЦА, 1995а; ЦА, 1995б; ЦА, 1995с). В отечественной историографии появляются исследования, посвященные анализу истоков церковной археологии в различных регионах Российской Империи (Алексеева, 2014; Биланчук, 2001; Колымагин, 2009; Косых, 2009; Лебедев, 2009; Полякова, 2012; Полякова, 2014; Сазонов, 2012; Чапланова, 2014). В них описывается подвижническая деятельность церковной интеллигенции по сохранению исторической памяти народа. История Архангельского епархиального церковно-археологического комитета и древлехранилища получила отражение в трудах архангельских исследователей (Бронникова, 2015; Кольцова, 2012; Петриченко, 2014). Однако в основном это были музейные работники, рассматривавшие данные епархиальные учреждения с позиции музеефикации церковных ценностей.

4. Результаты

4.1. Контекст

В пореформенный период государственная политика России в сфере народного просвещения, на протяжении XIX в. претерпевавшая трансформации, в итоге принесла свои плоды, подготовив массу грамотных и жаждущих получать знания граждан.

Во второй половине XIX в. в провинции (в том числе в Архангельской губернии) формировалась особая церковная интеллигенция, к которой можно причислить преподавателей духовных учебных заведений, священников-законоучителей в светских учебных заведениях и авторов местной церковной прессы. Священники вместе с мирянами основывали организации научного, просветительского, благотворительного вида. Профессор А.В. Камкин отмечал, что «провинциальная церковная интеллигенция начала выводить духовное сословие из состояния корпоративной замкнутости» (Камкин, 1992: 110).

Одним из важнейших дел провинциальной церковной интеллигенции была краеведческая работа, находившая отражение в публицистике. Краеведение и занятия историей способствовали появлению нового знания об «Отчем крае» (В.В. Варава), наполнению священнического или учительского служения высоким чувством любви к малой Родине, метафизика которой глубоко раскрыта великим русским богословом, философом и священником С.Н. Булгаковым (Булгаков, 2003).

Ряд священников становились историками-любителями. Проблематика их научных работ зачастую определялась тем, с чем пастыри имели дело в работе и жизни: исторические и этнографические описания уездных городов, приходов, сел, составление церковных летописей.

Исследователь О.Н. Болгова среди предпосылок, подтолкнувших священнослужителей осуществлять сбор фольклорно-этнографического материала, отметила следующее: первое – пастыри обладали хорошим гуманитарным образованием, которое позволяло им регистрировать и давать комментарии на многообразные стороны народного быта. Действительно, Архангельская духовная семинария давала достойное образование и обеспечивала епархию квалифицированными кадрами. Ряд священнослужителей имели академическое образование. Вторая предпосылка, по мнению автора, зиждилась на восприятии пастырями публикации в прессе как способе творческой самореализации. Все же нам представляется, что далеко не все священнослужители осознавали такую сторону периодического издания. К тому же относительно общего числа священнослужителей пастырей-публицистов насчитывалось незначительное количество. Третья предпосылка основывалась на желании «выйти из привычного круга занятий» (Болгова, 2010: 61). При оценке причин и предпосылок формирования провинциальной церковной интеллигенции из числа священнослужителей, увлеченных церковно-историческими и археолого-этнографическими изысканиями, связанными с памятниками старины и памятью предков, необходимо подчеркнуть, что Русская православная церковь по своей сути – это институт памяти, источник постоянного и вечного памятования, выработавший и особую мемориальную культуру. «Движение христианина во времени и пространстве отмечено непрерывной цепочкой памятных знаков-меток, нашедших яркое выражение и в важнейшей части православного культа – седмичном (недельном) и годичном кругах богослужения, и в соответствующей организации. Каждый день Церковь вспоминает определенные события и лица из Священного писания и истории Церкви (христианские праздники, дни именин)» (Святославский, 2013: 165).

Примечательно то, что формирование основных институтов памяти в Архангельской епархии (общества, комитеты, братства, периодическое издание) происходило примерно в одно и то же время при активном участии примерно одних и тех же лиц. Так, с именем епископа Нафанаила (Соборова), руководившего епархией в 1879–1882 гг. и в 1885–1890 гг., связано распространение миссионерства в отдаленные уголки Крайнего Севера, создание местного церковного периодического издания («Архангельских епархиальных ведомостей»), учреждение комиссии по собиранию и хранению памятников церковной древности. Конечно, следует оговориться, что не сам руководитель епархии

занимался повседневными заботами о создании и процветании органа печати или комиссии по древностям. Значительный труд выполняли как священники, так и преподаватели учебных заведений (духовных училищ и духовной семинарии). Наиболее авторитетным и заслуженным деятелем просвещения, безусловно, являлся Иустин Михайлович Сибирцев, долгое время руководивший и «Архангельскими епархиальными ведомостями», и епархиальным церковно-археологическим комитетом. Пожалуй, именно ему принадлежит основная заслуга в сохранении исторической памяти и оригинальных исследований в области церковных древностей в регионе.

Тем не менее от внимания или равнодушия преосвященнейшего владыки также многое зависело. Можно согласиться с В.Н. Лебедевым, что «частые перемещения епископов с одной кафедры на другую затрудняли их контроль за функционированием этих хранилищ. Поэтому неудивительно, что более половины архиереев считали создание древлехранилищ пустой тратой времени» (Лебедев, 2009: 347). Однако центральная церковная власть понимала значение памятников церковной старины для сохранения исторической памяти народа. Еще в 40-е гг. XIX в. государство в лице императора и Синода обратило внимание на нежелательность какого-либо обновления церковных памятников (Колымагин, 2009: 46). К тому же церковь имела опыт сохранения древностей: старинных священных текстов и жалованных грамот монастырям или различной церковной утвари. Вполне естественным было собирание подобных вещей, например, в ризницах монастырей, которые (если бы не их закрытость) могли бы послужить прообразом будущих церковных музеев. С 1869 г. регулярно проводились всероссийские археологические съезды, на которых, в частности, предлагались проекты образования церковно-археологических музеев при духовных академиях и епархиальных консисториях. После этого по всей стране, начиная с Киевской духовной академии в 1872 г., появляются различные церковные археологические учреждения. Одной из первых в этом отношении стала Архангельская епархия.

Вероятно, если бы не внимание епископа Нафанаила (Соборова) к проблеме сохранения церковных древностей, их остатки могли быть постепенно вывезены в хранилища столичных городов. Летом 1886 г. в ходе своей командировки по северным губерниям Беломорья посетил академик Академии художеств В.В. Суслов (Суслов, 1888). Он описывал и фотографировал памятники северной деревянной архитектуры и элементы декора. Отзыв академика был нелестным: «в Поморье царит страсть к новшеству и совершенное невнимание к остаткам нашего народного самобытного искусства» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 66). И это касалось не только архитектуры, но и других памятников древности. Внимание Академии художеств к Архангельскому Северу и позже не будет ослабевать. Столичные культурные учреждения ратовали за сохранение церковных древностей, но считали, что в Архангельске для этого нет подходящих условий.

Действительно, состояние церковных древностей и памятников было «до той степени плачевным, что позволяло говорить об утрате национальных ценностей» (Сазонов, 2012: 38). Но увлечение стариной начинает охватывать разные слои общества, в том числе купцов-старообрядцев, стремившихся собрать коллекции памятников дониконовской эпохи. Возникает потребность сохранить церковные древности от расхищения, и ее в первую очередь осознают церковные интеллигенты (Лебедев, 2009: 344; Сиволап, 2005: 407).

Местная архангельская интеллигенция (в том числе церковная) задумывалась о сохранении памятников древности. После письма В.В. Суслова епископ Нафанаил 30 ноября 1886 г. дает распоряжение духовной консистории о создании комиссии по сохранению памятников церковной письменности. Им был определен состав данной комиссии: священники Василий Александрович Смирнов, Илья Иванович Легатов, Николай Иванович Варфоломеев и преподаватель семинарии Иван Алексеевич Утретский. Параллельно с созданием комиссии независимо от консистории И.М. Сибирцев подготовил проект «Попечительства о сохранении церковных древностей в епархии» с древлехранилищем при архиерейском доме. Поступавшие от разных авторов идеи аккумулировались в общий проект. Правда, в какой-то момент владыка, соизмерив возможности епархии, сузил задачу будущей комиссии до сбора и хранения лишь письменных памятников древности.

В начале 1887 г. епархиальный съезд духовенства постановил: «в интересах науки вообще, и науки исторической в особенности депутаты признают весьма полезным и практичным учреждение в Архангельске хранилища древних письменных документов, хранящихся ныне в архивах церквей и монастырей без особенно тщательного присмотра за ними» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 68об.). Древлехранилище предполагалось разместить при архиерейском доме и на содержание комиссии выделять деньги из доходов епархии. На первом же заседании 25 января 1887 г. Комиссия для собирания, разбора и приведения в порядок церковных памятников древности Архангельской епархии решила распространить свою деятельность и на вещественные памятники древности (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3). Однако по неизвестной причине журнал этого первого собрания был утвержден владыкой 22 ноября 1888 г. Вероятно, это произошло ввиду того, что владыку не устраивало подобное решение Комиссии, либо так проявились бюрократические проволочки в Ведомстве православного вероисповедания. В то же время все эти полтора года комиссия исправно работала: например, собирала рапорты об имеющихся церковных древностях от настоятелей с мест.

В этом отношении Архангельская епархия опередила значительную часть страны. В 90-е гг. XIX в. археологические съезды вновь ходатайствуют перед Синодом о создании епархиальных музеев церковных древностей. Сам Синод предложил в каждой епархии постепенно формировать при духовных семинариях церковно-археологические комитеты, которые будут предназначены для наблюдения, регистрации и научного исследования вещественных и письменных памятников соответствующей территории. Церковь была заинтересована в сохранении и изучении памятников церковной старины (особенно тех, которыми уже не пользовались в повседневной службе) и в том, чтобы все желающие могли посещать места хранения древностей. А в 1914 г. при Синоде была создана своя Архивно-археологическая комиссия.

Таким образом, в Архангельской епархии одной из первых в стране была подготовлена база для создания действующего органа по сохранению исторической памяти.

4.2. Задачи церковного органа по сохранению памятников

Итак, первоначально созданная Комиссия должна была собирать письменные памятники, т.е. фактически служить архивом древних актов. Но сами церковные интеллигенты видели свои задачи шире. Так, в Правилах о «Церковном древлехранилище» в Архангельске (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1), составленных 1 сентября 1889 г., говорилось, что древлехранилище состоит из двух отделов: отдел письменных и печатных памятников и отдел предметов различной церковной утвари. Однако даже документы изымались высшей церковной властью и вывозились из Архангельска. В силу этого комиссия и древлехранилище в 1890–1891 гг. озаботились утверждением своего статуса, так как на тот момент они были лишь местной епархиальной инициативой. С этой целью епископ Нафанаил обратился в Святейший Синод. В апреле 1890 г. высшая церковная власть предварительно согласовала (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 9. Л. 40) учреждение древлехранилища при Михайло-Архангельском монастыре, но потребовала разработать четкие правила.

Председателем Комиссии В.А. Смирновым и его заместителем И.М. Сибирцевым оперативно был составлен документ, описывающий работу и древлехранилища, и самой Комиссии (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-6). Целями древлехранилища обозначались собирание и сохранение письменных и вещественных памятников церковной древности местного края, а также подготовка материалов для изучения Архангельской епархии в церковно-историческом отношении. Для формирования фондов древлехранилища необходимо было обладать полной информацией об имеющихся в епархии памятниках древности. Поэтому настоятели монастырей и причты приходских церквей обязывались предоставлять епископу рапорты об имеющихся в подчиненных им монастырях, церквях и часовнях (а также, если известно, у частных лиц) письменных и вещественных памятниках церковной древности, значимых в историческом и археологическом отношении предметов.

После рассмотрения рапортов члены Комиссии выбирали наиболее ценные материалы и запрашивали их в ведение древлехранилища. Принудительно ни документы, ни вещи у монастырей и церквей не забирались. Фонд формировался либо путем их покупки, либо пожертвования. Средства на приобретение и функционирование учреждения формировались из бюджета епархии, так как покровителем и условным руководителем древлехранилища считался сам Архангельский епископ. Поскольку у него было немало других забот, для управления учреждением создавался Церковно-археологический комитет.

Комитет состоял из председателя, его помощника, казначея, делопроизводителя и членов, состав определялся епископом из лиц духовного и светского звания, более или менее знакомых с местным краем в церковно-историческом и археологическом отношении. Комитет мог ходатайствовать перед епископом о назначении на должность членов-сотрудников лиц, участие которых в трудах Комитета было бы целесообразным. Председатель Комитета (В.А. Смирнов) осуществлял общее руководство работой учреждения. На помощника председателя (И.М. Сибирцев и И.И. Легатов) возлагалось непосредственное заведывание древлехранилищем, фиксация, каталогизация и хранение в порядке и целостности поступающих в древлехранилище предметов.

Церковно-археологический комитет должен был рассматривать поступающие к нему рапорты об имеющихся в церквях и монастырях епархии памятниках церковной древности и определять пригодность таковых для целей Комитета. Для этого он сам вел переговоры с соответствующими органами и лицами по вопросу приобретения памятников церковной древности. Помимо этого члены Комитета рассматривали и по возможности определяли древность поступающих в фонд документов и вещей, составляли их подробные описания. Членам следовало заботиться о полноте древлехранилища, надлежащем размещении и хранении поступающих предметов древности.

После того, как правила были утверждены, 4 февраля 1891 г. последовал Указ Синода (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 10) о разрешении учредить в Архангельске древлехранилище и перевести его из архиерейского дома в Михайло-Архангельский монастырь. В итоге древлехранилище признавалось первоочередным учреждением по сравнению с Церковно-археологическим комитетом. Важнее было хранение, а не изучение памятников древности. Значение этого, вновь учрежденного собрания описано анонимным автором в епархиальных ведомостях: «Для достижения высоко нравственных целей самым существенным средством является знакомство с письменными и вещественными памятниками древней церковно-исторической жизни наших предков, при том знакомство не книжное, не по описаниям, хотя бы то и самым полным и точным, а по непосредственному,

наглядному рассматриванию их, при котором всякий невольно уносится своими мыслями к доброму старому времени» (N.N., 1891: 162).

Однако сами представители церковной интеллигенции, активно включившиеся в работу по сохранению и изучению памятников старины, расширяли свои задачи. И постепенно именно исследовательская работа стала преобладать над просто собиранием и сохранением. Это повлекло за собой формальное одобрение. 10/22 августа 1905 г. Синодом (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 44. Л. 5) был утвержден новый устав Комитета. По этому документу учреждение имело целью собирание, сохранение и обследование местных памятников древности и историческое изучение религиозной и церковно-общественной жизни местного края. Комитет ставил перед собой ответственную задачу наблюдения за сохранностью вещественных памятников церковной древности в епархии и принятия мер против их потери и порчи. Помимо собирания и хранения в древлехранилище церковно-религиозных, бытовых и других памятников древности члены комитета должны были заниматься приведением в известность и описанием всякого рода памятников древности и архивов церквей и монастырей епархии, т.е. публиковать эти документы. Комитет, наконец, официально брал на себя и просветительские задачи: распространение церковно-исторических и археологических сведений, привлечение внимания и интереса к древностям, устройство публичных чтений и т.п. При этом членов Комитета интересовали материалы не только местной религиозной, но и общественной жизни.

Происходила и перестройка внутренней работы учреждения. Древлехранилище теперь было поставлено в подчинение Комитету, а также в качестве отдельного подразделения выделялась библиотека, где собирались научные труды и периодические издания. Звание члена Комитета было совмещено с требованием участвовать лично в трудах Комитета или делать пожертвования. Почетными членами становились лица, известные своими трудами, оказавшие особые услуги и помощь, сделавшие комитету значительные денежные или вещественные пожертвования (например, протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Ильич Сергиев). Действительные члены – лично участвующие в деятельности Комитета, вносящие ежегодно не менее 3 рублей или одновременно не менее 50 рублей. Члены-сотрудники – непосредственно работающие в Комитете или вносящие ежегодно не менее 1 рубля. Если в течение 3 лет член Комитета не приносил пользу или не платил взносы, то считался исключенным из Комитета. Должностные лица Комитета (председатель, помощник председателя (он же заведующий древлехранилищем), помощник заведующего древлехранилищем, библиотекарь, казначей, секретарь) избирались на три года, что подразумевало ротацию кадров. Помимо очередных (как правило, ежемесячных) собраний были введены общие годовые отчетные собрания.

В Уставе Комитета, который был даже отпечатан отдельной брошюрой (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-5), более четко фиксировалось, что древлехранилище переставало быть просто архивом и фондом вещественных памятников, оно служило общественному просвещению и сохранению в народе памяти о его истории. В Уставе прописывалось, что для обозрения древлехранилища всеми желающими назначаются особые дни и часы. Экскурсию, как правило, ведет сам заведующий. Также отдельно оговаривалось, что предметы должны храниться в шкафах и витринах под стеклом, иконы – на стенах, а крупные предметы ограждены.

Древлехранилище обычно было открыто для обозрения посетителей по воскресным дням с 13.00 до 15.00, а для приезжих – и в другие дни. Среди посетителей древлехранилища, число которых, например, в начале XX в. составляло до 300 человек в год (Сибирцев, 1905: 189), было немало священников, чиновников, мещан, учащихся. Среди приезжих посетителей были выходцы, например, из Петербурга, Москвы, Житомира, Воронежа, Тифлиса и других городов и местностей.

Исполняя задачу просвещения, Комитет регулярно публиковал свои научные изыскания и сами письменные памятники старины. В «Архангельских епархиальных ведомостях», начиная с 1904 г., регулярно печатались подробные отчеты о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета (Смирнов, 1908).

Таким образом, в начале XX в. в Архангельской губернии развернулась всесторонняя работа церковной интеллигенции по сохранению, изучению и популяризации истории родного края.

4.3. Проблемы организации работы церковно-археологического комитета

Успешность выполнения задач Архангельского епархиального церковно-археологического комитета зависела от его состава. Первоначально, ещё на этапе создания Комиссии по собиранию и хранению памятников церковной древности, в нее вошли семь человек – священники и преподаватели местной духовной семинарии. Почти сразу были избраны почетные члены, которые, по сути, не вели никакой работы, но уже имели серьезный авторитет среди местных интеллектуалов: протоиерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев) и отставной полковник, краевед, автор трудов по истории Поморья С.Ф. Огородников. Впоследствии состав стал расширяться, в 1912 г. членами Комитета числились уже 34 человека (ПКАГ, 1012: 162).

Профессиональный состав Комиссии, а затем и Комитета, был довольно разнообразен, но в основном ограничивался церковной интеллигенцией. Клер был представлен епископами, благочинными, протоиереями, священниками, диаконами, монахами. В состав сотрудников образовательных учреждений входили инспектора семинарии, епархиальные наблюдатели

церковных школ, инспектора классов, смотрители духовных училищ, преподаватели духовной семинарии, мужского и женского духовных училищ. Также включены были чиновники: члены и секретари духовной консистории, товарищ председателя окружного суда, мировой судья, губернский архитектор, казначей архангельского казначейства, член-секретарь губернского статистического комитета и городской голова Архангельска. Кроме почетных членов были еще сотрудники, жившие за пределами Архангельска: священник В.Д. Перовский (Холмогоры), иеромонах Никодим (смотритель Санкт-Петербургского духовного училища), В.М. Верюжский (помощник инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии).

За 33 года существования состав и руководство Комитета не были постоянными. До конца 1895 г. председателем был протоиерей В.А. Смирнов, затем его на более чем 10 лет сменил И.М. Сибирцев. В рамках положения Устава о ротации кадров в 1907–1909 гг. председателем снова был В.А. Смирнов. В 1909 г. Василий Александрович, а также Иван Алексеевич Утретский (бывший 22 года секретарем Комитета) попросили об отставке по «многосложности обязанностей» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 54. Л. 1), которые они имели и в других сферах. После этого вплоть до 1920 г. Комитетом опять руководил Иустин Михайлович. Должность заместителя председателя (а значит и заведующего древлехранилищем) попеременно занимали протоиерей А.В. Кириллов и губернский архитектор А.А. Каретников.

Спектр работ в Комитете и древлехранилище был довольно широк. Сотрудники разбирали рапорты, направляемые от настоятелей монастырей и церквей по указу епископа. Зачастую поступали подозрительные сведения об отсутствии ценных артефактов, что отмечалось в Комитете. Так, например, в рапорте причта Сурского прихода говорится о том, что церковных древностей «никаких не имеется». Но при этом сотрудник Комитета карандашом подчеркнул и приписал «Неправда!» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 25). В адрес комитета поступали письма не только от священников, но и от мирян об обнаружении икон и других памятников церковных древностей.

Члены Комитета часто выезжали с обследованиями в разные уголки Архангельской губернии. Оказавшись на местности, приходили в отчаяние от состояния памятников древности. По воспоминаниям И.М. Сибирцева, «во внутренних помещениях храмов тогда, действительно, трудно было найти какие-нибудь древности: все таковые обыкновенно сваливались в кладовые, на чердаки или в подвалы, где они покрывались пылью, портились, ломались, уничтожались или расхищались, иногда продавались как лом или ненужный хлам. Старинные храмы перестраивались, архитектура их изменялась, иконы исправлялись и подновлялись до того, что вместо одного святого или события являлись другие» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 700б-71).

С 1910 года Комитет получил дополнительную функцию. В случаях возбуждения причтами ходатайств о ремонте или перестройке старинных церковных зданий духовная консистория стала запрашивать по данному поводу мнение Комитета, принимавшего участие в деле сохранения памятников древнерусского церковного зодчества от искажений и даже уничтожения. Как правило, Комитет высказывался за сохранение и поддержку старины и указывал для этого возможные способы и средства. Составленные отзывы Комитета передавались на места причтам и часто имели благоприятные для сохранения истории результаты. В особых случаях дела направлялись для определения решения в Императорскую Археологическую комиссию.

Члены комитета сами не раз принимали участие во всероссийских археологических съездах. Высокий уровень профессионализма показывал И.М. Сибирцев, что в дальнейшем признавали, например, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков и А.А. Шахматов (Варфоломеев, 1996: 32). К нему за консультацией периодически обращались сотрудники Санкт-Петербургской Археографической комиссии и Московского археологического общества.

Даже учитывая рост количественного состава Комитета, возможности были его скромными. Территория губернии была слишком большой, а коммуникации в ней были ограничены. Поэтому Комитету в 1909 г. пришлось обратиться к местным благочинным, наблюдателям школ, семинаристам с просьбой активно заниматься на местах поисковой работой (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 54. Л. 3). Они могли стать добровольными помощниками в деле сохранения и развития культуры памяти Русского Севера.

Несмотря на незначительность своих сил и средств, Комитет последовательно старался сберечь в своем музее и изучить по мере возможности предметы старины и древности церковно-общественного характера, в которых нередко «под невзрачной внешностью таится глубокая религиозная мысль, бьется живое религиозное чувство, ощущается трепет народного сердца» (ОоСДиСАЕЦАК, 1909: 340).

Эта работа, в том числе со священнослужителями на местах, не прошла даром. Уже в 1914 г. все реже отмечались случаи небрежного отношения к предметам старины и передачи письменных, печатных, иконописных и других памятников в руки недобросовестных торговцев. Подобные примеры, действительно, были: приходские священники, часто вынужденные выживать и думать скорее о материальном, чем духовном, иногда продавали залежавшуюся старинную вещь или рукопись торговцу. Если такие случаи становились известными церковной власти, то обычно приводили к строгому, но справедливому взысканию со стороны епархиального церковного суда.

Фонды древлехранилища представляли разные уголки Архангельской губернии, наибольшее число артефактов происходило из Холмогорского, Шенкурского и Онежского уездов. В распоряжении членов Комитета оказались архивы Антониево-Сийского, Кийского Крестного, Важского Богословского, Николо-Корельского и других монастырей. К сожалению, часть экспонатов периодически приходилось направлять в центральные хранилища.

С момента создания в Архангельске древлехранилища его состояние было особой заботой для церковных интеллигентов. Фонды древлехранилища постоянно пополнялись, его функция просто хранилища уступала место функции архива и музея. В нем проводились не только экскурсии, учреждение было открыто и для научной работы, в частности в него для работы с материалами допускались и студенты. Однако размещение древлехранилища долгое время оставалось совершенно неприемлемым.

Изначально собрание хранилось в комнате архиерейского дома. Но сменивший владыку Нафанаила в 1890 г. епископ Александр (Закке-Заккис) потребовал освободить данную комнату под свою канцелярию (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 73об.). И документы (около 300 экземпляров) стали кочевать по ветхим помещениям и сараям. Последующие епископы были более внимательны к древлехранилищу и озаботились новым зданием для него. В 1895 г. из деревянного дома при Михайло-Архангельском монастыре древлехранилище перевели в полукаменный дом. Всего семь раз оно переезжало с одного места на другое.

Летом 1901 г. древлехранилище переведено в новое построенное здание, которое в 1903 г. было передано на содержание комитета. Помещение, занимавшее древлехранилище, было одноэтажным, состояло из 4-х комнат. В одной из них помещались вещественные памятники исторической старины, а в другой – письменные (Бугославский, 1902: 1). На тот момент оно было наполнено по преимуществу предметами церковного характера, а предметов светского характера в нем хранилось относительно немного.

Члены Комитета, и в первую очередь И.М. Сибирцев, приложили много усилий для распределения предметов в древлехранилище, учитывая его тесноту и другие неудобства. Большинство предметов (потиры, диски, звезды, дарохранильницы, дароносицы, копия, лжицы, кресты, антимины, евангелия, брачные венцы и т.п.) располагались в витринах под стеклом по видам и хронологии. Царские врата, иконы размещены по стенам (на одной из стен – наподобие старинного иконостаса). Деревянные резные аналои, деревянные и восковые расписные свечи, слюдяные фонари, деревянные подсвечники и т.п. размещались так, чтобы их можно было осмотреть со всех сторон.

Церковное древлехранилище было не единственным местом сохранения старины в Архангельской губернии. В начале XX в., помимо древлехранилища, существовало несколько самостоятельных музеев: Архангельский публичный городской музей, Рыбпромышленный музей Крайнего Севера, музей Архангельского общества изучения Русского Севера (Дианова, 2015: 56). Городская интеллигенция даже стала задумываться о коллаборации с ними. На торжественном заседании, посвященном 25-летию Комитета в 1912 г., его член, городской голова Я.И. Лейцингер заявил, что комиссией по устройству в Архангельске «Музея Русского Севера имени М.В. Ломоносова» предположено соединить все существующие в городе музеи в одном здании (ТСЕЦАК, 1912: 533), в том числе в этом объединенном музее можно было бы разместить фонды и епархиального древлехранилища. Но Архангельский епископ выразил на это согласие при условии полной обособленности древлехранилища от других музеев и отдельного заведывания им со стороны духовного ведомства. Тем не менее проект так и не осуществился.

Помимо того, что местная церковная интеллигенция занималась просвещением населения в рамках древлехранилища, она стремилась донести информацию о памятниках до широкой аудитории. Члены Комитета регулярно публиковали в «Архангельских епархиальных ведомостях» и «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» свои заметки исторического характера. Наиболее часто публиковались Г.К. Бугославский (Бугославский, 1903), А.В. Теремицкий (Теремицкий, 1907), Н.Д. Козмин (Козмин, 1904), И.М. Сибирцев (Сибирцев, 1905). Кроме того, были составлены описание приходов и церквей епархии и описание монастырей (КИОПиЦАЕ, 1894–1896; КИОМАЕ, 1902). За свои многочисленные исторические труды товарищ председателя окружного суда Г.К. Бугославский в 1904 г. стал почетным членом Комитета. Но это не означало его уход на покой – он продолжал работать с историческими памятниками и регулярно публиковаться.

Часть трудов сотрудников Комитета выходила отдельными брошюрами, хотя чаще всего это были приложения к епархиальным ведомостям, отпечатанные в той же типографии. Сам епархиальный печатный орган не всегда имел возможность размещать историческую информацию в должном объеме. Собственного периодического издания у Комитета так и не появилось из-за постоянного дефицита финансов. При этом стоит признать, что духовенство епархии не оставляло Комитет без средств и регулярно на своих епархиальных съездах подтверждало финансирование (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 14. Л. 1).

Таким образом, несмотря на определенные трудности, носящие как объективный, так и субъективный характер, архангельская церковная интеллигенция сумела создать одно из самых больших и развитых в научном и общественном планах церковных древлехранилищ России.

4.4. Судьба Комитета и древлехранилища

В период Первой мировой и Гражданской войн состояние всех епархиальных учреждений оказалось под угрозой. Деятельность Комитета в отношении сохранения памятников церковной архитектуры стала носить пассивный характер: он отвечал только на те запросы, с которыми обращалась к нему духовная консистория, для инициативы и активных действий в этом направлении он не имел ресурсов. После установления на короткий срок Советской власти в Архангельской губернии решено было перевести древлехранилище в мае 1918 г. в здание мужского духовного училища. В отчете о работе Комитета за 1918 г. И.М. Сибирцев негативно отзывался о большевиках и Советской власти: «Безграмотные совдепы, невежественные комиссары, всевозможные исполнительные комитеты» грабили, убивали и издевались над интеллигенцией (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 80. Л. 2). Пришедшие к власти в августе 1918 г. белые и интервенты также не привнесли покоя в церковно-общественную среду.

Однако в таких тяжелых условиях интеллигенция не переставала думать о сохранении исторической памяти. Архангельское общество изучения Русского Севера предложило Комитету рассмотреть проект устава будущего «Общества друзей Музея Северного края имени Ломоносова» (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 80. Л. 13-22). Члены комитета согласились с пользой такого нового учреждения, но, обсудив положение дел, решили отложить рассмотрение по существу до лучших времен. Но с сентября 1919 г. при приближении к Архангельску Красной армии стал подниматься вопрос об эвакуации из города фондов древлехранилища. В октябре гражданская власть выступила за немедленную эвакуацию, но председатель Комитета И.М. Сибирцев обращал внимание, что упаковка и эвакуация документов и вещественных памятников истории – дело дорогое и опасное для музея и библиотеки (ГААО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 82. Л. 7-10). Он задавался вопросом: кто будет заботиться о содержании коллекции на Мурмане или еще где-то? Пока шли долгие приготовления к эвакуации, антибольшевистская власть на Севере рухнула. На последнем собрании Комитета в январе 1920 г. (за месяц до прихода большевиков) сотрудники еще обсуждали насущные вопросы: о помещении, финансировании, ограничении распродажи церковных предметов.

В феврале 1920 г. коллекция древлехранилища изъята в музейную комиссию Архангельского ГубОНО. 2 марта 1920 г. Комитет упразднен решением Губисполкома (Хорова, 2007: 53). В конце года наиболее ценная часть памятников древлехранилища была переведена в пакгаузы Гостиных дворов, где не было условий для их хранения. В 1922 г. оставшееся собрание перевели в Архангельский Дом книги, где теперь работал И.М. Сибирцев. В это время происходит объединение музейных коллекций в «Архгубмузей». Иустин Михайлович пытался сохранить свое собрание как «Музей древнерусского искусства», но у него не получилось. В 1926–1928 гг. остатки древлехранилища были переданы Северному краевому музею (Петриченко, 2013: 64–66).

Значительная часть собрания древлехранилища постепенно была вывезена за пределы Архангельского Севера и распределена между архивами и библиотеками страны. В отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге создан фонд «Архангельское древлехранилище», в котором содержатся рукописные книги. Часть церковных документов хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН и Российском Государственном архиве древних актов. Многие предметы из драгоценных металлов в 30-е гг. были изъяты из коллекции Северного краевого музея и поступили в Госфонд, после чего их дальнейшая судьба неизвестна (Кольцова, 2012: 23).

Часть письменных памятников и на сегодняшний день хранится в Архангельске в Государственном архиве Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеке. Часть вещественных памятников хранится в фондах Архангельского областного краеведческого музея и Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (Петриченко, 2014: 45). Наследие церковной истории Севера сегодня вновь доступно широкому кругу посетителей музеев.

5. Заключение

В результате проведенных исследований было установлено, что провинциальная церковная интеллигенция Архангельской губернии в XIX – начале XX вв. сыграла существенную роль в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера, в сбережении его религиозно-культурного наследия.

Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет собрал в своем древлехранилище свыше 700 вещественных памятников монастырского и церковно-приходского уклада Северной Руси, до 800 рукописных книг (начиная с XIV в.) и более 30 000 старинных актов и документов, раскрывающих различные аспекты истории Русской Православной церкви в пространстве исторической и культурной памяти Русского Севера (ТЗЦАКиОИРС, 1918).

Древлехранилище, созданное Архангельским епархиальным церковно-археологическим Комитетом, имело важное научно-образовательное и воспитательное значение, а также являло собой подлинный институт памяти, призванный сохранять, приумножать и увековечивать ценностно-смысловое наследие геокультурного пространства Русского Севера.

В начале XXI в. в Архангельской и Холмогорской епархии возрождается внимание церковной интеллигенции к памятникам истории. Например, в г. Новодвинск открыт музей православной культуры, при Антониево-Сийском мужском монастыре – церковно-археологический кабинет. Правда, поскольку большая часть церковно-археологических древностей Архангельской области была утрачена либо рассеяна по фондам музеев, библиотек и архивохранилищ, некоторые современные исследователи истории Русской православной церкви на Архангельском Севере обращают внимание и на памятники церковной жизни советского периода. Это позитивное начинание, так как именно благодаря профессиональным историкам, а также энтузиастам и любителям истории (в том числе церковной) своей малой Родины сохраняется и приумножается культура памяти Русского Севера как общепризнанного памятника отечественной и мировой культуры.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10205 «Ландшафт памяти и память ландшафта: мемориальная культура коренного населения Российской Арктики в условиях социокультурных трансформаций»).

Литература

- Алексеева, 2014** – Алексеева Л.С. Деятельность духовенства Томской епархии по сохранению исторического и культурного наследия в XIX – начале XX вв. (по материалам «Томских епархиальных ведомостей») // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 27-31.
- Бердинских, 1998** – Бердинских В.А. Приходское духовенство и развитие краеведения в XIX в. // *Вопросы истории*. 1998. № 10. С. 134-138.
- Биланчук, 2001** – Биланчук Р.П. Церковно-историческое и статистическое описание вологодской епархии 1850–1880-х годов и развитие историко-церковного краеведения // *Русская культура на пороге третьего тысячелетия. Христианство и культура*. Вологда, 2001. С. 82-89.
- Божченко, 2012** – Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 3. С. 112-116.
- Болгова, 2010** – Болгова О. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» (1885–1900) // *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2010. № 3. С. 61-65.
- Бронникова, 2015** – Бронникова Е.П. Музеи города Архангельска в XIX – начале XX вв. // *Вопросы музеологии*. 2015. № 2 (12). С. 46-55.
- Бугославский, 1902** – Бугославский Г.К. Древнехранилище Архангельского епархиального церковно-археологического Комитета. М., 1902. 12 с.
- Бугославский, 1903** – Бугославский Г. Рукописные евангелия Древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического Комитета // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1903. № 15. Неофициальная часть. С. 549-552; № 17. Неофициальная часть. С. 633-644.
- Булгаков, 2003** – Булгаков С.Н. Моя родина // С.Н. Булгаков: Pro et Contra. Т.1. СПб., 2003. С. 63-77.
- Варфоломеев, 1996** – Варфоломеев Л.А. Сибирцевы – семья архангельская. Архангельск, 1996. 150 с. ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- Гуркина, 1998** – Гуркина Н.К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1998. 218 с.
- Дианова, 2015** – Дианова Е.В. Краеведческие музеи и кооперация Европейского Севера: опыт сотрудничества (первая четверть XX в.) // *Вопросы музеологии*. 2015. № 1 (11). С. 55-64.
- Камкин, 1992** – Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. 162 с.
- Козмин, 1904** – Козмин Н. Археологическая заметка // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1904. № 16. Неофициальная часть. С. 652-653.
- Кольцова, 2012** – Кольцова Т.М. Архангельское епархиальное древлехранилище // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 7–8. С. 22-25.
- Кольмагин, 2009** – Кольмагин Б.Ф. Дореволюционный опыт сохранения церковных памятников культуры // *Вопросы культурологии*. 2009. № 1. С. 46-47.
- Косых, 2009** – Косых В.И. Церковно-археологические общества русской православной церкви (конец XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение*. 2009. № 3. С. 121-126.
- КИОМЭ, 1902** – Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. 592 с.
- КИОПиЦАЭ, 1894–1896** – Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1. 371 с.; 1895. Вып. 2. 406 с.; 1896. Вып. 3. 267 с.
- Лебедев, 2009** – Лебедев В.Н. Роль церковно-исторических музеев в духовном просвещении народов России // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2009. Т.184. С. 344-348.

- Леонтьева, 2002 – Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 272 с.
- ОоСДиСАЕЦАК, 1909 – Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета за 1908 г. // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1909. № 11. Неофициальная часть. С. 340-345.
- ПКАГ, 1912 – Памятная книжка Архангельской губернии за 1912 г. Архангельск, 1912. 302 с.
- Петриченко, 2013 – Петриченко Ж. К вопросу о судьбе книжного собрания Архангельского епархиального древлехранилища // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Вып. 6: Сборник статей. Архангельск, 2013. С. 62-68.
- Петриченко, 2014 – Петриченко Ж. Архангельское древлехранилище // *Архангельская старина*. 2014. № 1. С. 38-45.
- Полякова, 2012 – Полякова Е.А. Научно-исследовательская деятельность как основная составляющая Тобольского церковного древлехранилища в начале XX в. // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 4 (35). С. 17-20.
- Полякова, 2014 – Полякова Е.А. Церковные музеи в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2014. № 2 (28). С. 68-73.
- Сазонов, 2012 – Сазонов Д.И. Костромское церковно-историческое общество: опыт соединения местного и универсального // *Костромской гуманитарный вестник*. 2012. № 3. С. 38-41.
- Святославский, 2013 – Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013. 593 с.
- Сибирцев, 1905 – Сибирцев И. Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1905. № 5. Неофициальная часть. С.183-192.
- Сиволап, 2005 – Сиволап Т. Е. Роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века) // Триумф музея? СПб., 2005. С. 404-421.
- Скутнев, 2009 – Скутнев А.В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009. 234 с.
- Смирнов, 1908 – Смирнов В. Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского епархиального церковно-археологического комитета за 1907 год // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1908. № 4. Неофициальная часть. С. 115-125.
- Суслов, 1888 – Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888. 72 с.
- Теребихин, 2014 – Теребихин Н.М. Сакральная экология и традиционные знания народов Севера (к постановке проблемы) // *Экология человека*. 2014. № 8. С. 57-64.
- Теремицкий, 1907 – Теремицкий А. К описанию Архангельского епархиального древлехранилища // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1907. № 14. Неофициальная часть. С. 448-453; № 15. Неофициальная часть. С. 478-485.
- ТЗЦАКиОИРС, 1918 – Торжественное заседание церковно-археологического комитета и Общества изучения Русского Севера // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1918. № 11. С. 2-3.
- ТСЕЦАК, 1912 – Торжественное собрание епархиального церковно-археологического комитета // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1912. № 18. Неофициальная часть. С. 531-534.
- Хорова, 2007 – Хорова С.Б. Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет: (К 120-летию со дня образования) // Памятные даты Архангельской области, 2007 год. Архангельск, 2007. С. 48-54.
- ЦА, 1995а – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-1). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 132 с.
- ЦА, 1995б – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 2. Христианство и древнерусская культура (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-2). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 166 с.
- ЦА, 1995с – Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Часть 3. Памятники церковной археологии России (Сер. Археологические изыскания. Выпуск 26-3). Санкт-Петербург–Псков, 1995. 122 с.
- Чапланова, 2014 – Чапланова М.А. Церковное древлехранилище как музей (на примере Симбирского древлехранилища) // *Поволожский педагогический поиск*. № 3 (9): 124-126.
- Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin, I.F., Zadorin, M.Y. Ethnopolitical landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: The end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*. 2017. (3), 45:1044-1062.
- Freeze, 1985 – Freeze, G.L. Handmaiden of the State? the Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*. 1985. 36(1): 82-102.
- Plamper, 2000 – Plamper, J. The Russian orthodox episcopate, 1721-1917: A prosopography. *Journal of Social History*. 2000. (1), 34: 1-34.
- N.N., 1891 – N.N. Учреждение «Церковного древлехранилища» в г. Архангельске // *Архангельские епархиальные ведомости*. 1891. № 13. Неофициальная часть. С. 161-165.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. 2016. (3), 41: 629-641.

References

- Alekseeva, 2014** – *Alekseeva L.S.* (2014). Dejatel'nost' duhovenstva Tomskoj eparhii po sohraneniu istoricheskogo i kul'turnogo nasledija v XIX - nachale XX vv. (po materialam «Tomskih eparhial'nyh vedomostej») [Activities of Tomsk eparchy' clergy for preservation of historical and cultural heritage in the XIXth – beginning of the XXth centuries (adapted from «Tomsk diocesan bulletin»)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2 (58). Vol.2. pp. 27–31. [in Russian]
- Berdinskih, 1998** – *Berdinskih V.A.* (1998). Prihodskoe duhovenstvo i razvitie kraevedenija v XIX v. [Parish clergy and development of local studies in XIX century]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 134–138. [in Russian]
- Bilanchuk, 2001** – *Bilanchuk R.P.* (2001). Cerkovno-istoricheskoe i statisticheskoe opisanie vologodskoj eparhii 1850-1880-h godov i razvitie istoriko-cerkovnogo kraevedenija [Church-historical and statistic description of Vologda eparchy in 1850–1880 and development of historical-church local studies]. *Russkaja kul'tura na poroge tret'ego tysjacheletija. Hristianstvo i kul'tura*. Vologda. pp. 82–89. [in Russian]
- Bozhchenko, 2012** – *Bozhchenko O.A.* (2012). Istoricheskaja pamjat' kak forma muzejnoj refleksii [Historical memorial as a form of museum reflection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. №3. pp. 112–116. [in Russian]
- Bolgova, 2010** – *Bolgova O.N.* (2010). Fol'klorno-jetnograficheskie materialy na stranicah «Arhangel'skih eparhial'nyh vedomostej» (1885–1900) [Folklore-ethnographical materials within pages of «Arkhangelsk diocesan bulletin» (1885–1900)]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki»*. № 3. pp. 61–65. [in Russian]
- Bronnikova, 2015** – *Bronnikova E.P.* (2015). Muzei goroda Arhangel'ska v XIX – nachale XX vv. [Arkangelsk' museums in the XIXth – ethe beginning of XXth centuries]. *Voprosy muzeologii*. №2 (12). pp. 46–55. [in Russian]
- Bugoslavskij, 1902** – *Bugoslavskij G.K.* (1902). Drevnehranilishhe Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo Komiteta. [The Archives of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological Committee]. Moscow. 12 p. [in Russian]
- Bugoslavskij, 1903** – *Bugoslavskij G.* (1903). Rukopisnye evangelija Drevlehranilishha Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo Komiteta [Manuscript Gospels of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological Committee' archives]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №15. Unofficial part. pp. 549-552; №17. Unofficial part. pp. 633–644. [in Russian]
- Bulgakov, 2003** – *Bulgakov S.N.* (2003). Moja rodina [My native land]. *S.N. Bulgakov: Pro et Contra*. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 63–77. [in Russian]
- Varfolomeev, 1996** – *Varfolomeev L.A.* (1996). Sibircevy – sem'ja arhangel'skaja [Sibirtsev's family – Arkhangelsk memory]. *Arkhangelsk*. 150 p. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoi oblasti [State archive of the Arkhangelsk region].
- Gurkina, 1998** – *Gurkina N.K.* (1998). Intelligencija Evropejskogo Severa Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Intellectuals of European Russian North in the end of XIXth – the beginning of XXth centuries]. St. Petersburg. 218 p. [in Russian]
- Dianova, 2015** – *Dianova E.V.* (2015). Kraevedcheskie muzei i kooperacija Evropejskogo Severa: opyt sotrudnichestva (pervaja chetvert' XX v.) [European North' museums of local lore and cooperation: experience of collaboration (the first quarter of XXth century)]. *Voprosy muzeologii*. №1 (11). pp. 55–64. [in Russian]
- Kamkin, 1992** – *Kamkin A.V.* (1992). Pravoslavnaja cerkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g. [Orthodox Church in the Russian North: essays on the history before 1917]. Vologda. 1992. 162 p. [in Russian]
- Kozmin, 1904** – *Kozmin N.* (1904). Arheologicheskaja zametka [Archaeological note]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №16. Unofficial part. pp. 652–653. [in Russian]
- Kol'cova, 2012** – *Kol'cova T.M.* (2012). Arhangel'skoe eparhial'noe drevlehranilishhe [Arkhangelsk diocesan archive]. *Sovremennaja nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija «Gumanitarnye nauki»*. №7–8. pp. 22–25. [in Russian]
- Kolymagin, 2009** – *Kolymagin B.F.* (2009). Dorevoljucionnyj opyt sohranenija cerkovnyh pamjatnikov kul'tury [Pre-revolutionary experience of preservation of church cultural heritage]. *Voprosy kul'turologii*. №1. pp. 46–47. [in Russian]
- Kosyh, 2009** – *Kosyh V.I.* (2009). Cerkovno-arheologicheskie obshhestva russkoj pravoslavnoj cerkvi (konec XIX - nachalo XX vv.) [Church-archaeological associations of the Russian Orthodox Church (the end of XIXth – the beginning of XXth centuries)]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie*. №3. pp. 121–126. [in Russian]
- KIOMAE, 1902** – Kratkoe istoricheskoe opisanie monastyrej Arhangel'skoj eparhii [Brief historical description of monasteries of Arkhangelsk eparchy]. *Arkhangelsk*, 1902. 592 p. [in Russian]
- KIOPiCAE, 1894–1896** – Kratkoe istoricheskoe opisanie prihodov i cerkvej Arhangel'skoj eparhii [Brief historical description of parishes and churches of Arkhangelsk eparchy]. *Arkhangelsk*, 1894. Iss. 1. 371 p.; 1895. Iss. 2. 406 p.; 1896. Iss. 3. 267 p. [in Russian]
- Lebedev, 2009** – *Lebedev V.N.* (2009). Rol' cerkovno-istoricheskikh muzeev v duhovnom prosveshhenii narodov Rossii [The role of church-historical museums in spiritual education of the peoples of Russia]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Vol. 184. pp. 344–348. [in Russian]

- Leont'eva, 2002** – *Leont'eva T.G.* (2002). Vera i progress: Pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of XIXth – the beginning XXth centuries]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- OoSDiSAECAK, 1909** – Otchet o sostave, dejatel'nosti i sredstvakh Arhangel'skogo Eparhial'nogo Cerkovno-arheologicheskogo komiteta za 1908 g. [Report on composition, activities and means of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee over 1908]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1909. №11. Unofficial part. pp. 340-345. [in Russian]
- PKAG, 1912** – Pamjatnaja knizhka Arhangel'skoj gubernii za 1912 g. [Memorandum book of Arkhangelsk government over 1912]. Arkhangelsk, 1912. 302 p. [in Russian]
- Petrichenko, 2013** – *Petrichenko Zh.* (2013). K voprosu o sud'be knizhnogo sobranija Arhangel'skogo eparhial'nogo drevlehranilishha [Toward the issue on destiny of the book collection of the Arkhangelsk diocesan archives]. *Knizhnye sobranija Russkogo Severa: problemy izuchenija, obespechenija sohrannosti i dostupnosti. Vyp. 6: Sbornik statej*. Arkhangelsk. pp. 62–68. [in Russian]
- Petrichenko, 2014** – *Petrichenko Zh.* (2014). Arhangel'skoe drevlehranilishhe [The Arkhangelsk archives]. *Arhangel'skaja starina*. №1. pp. 38–45. [in Russian]
- Poljakova, 2012** – *Poljakova E.A.* (2012). Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' kak osnovnaja sostavljajushhaja Tobol'skogo cerkovnogo drevlehranilishha v nachale XX v. [Scientific activities as main component of the Tobolsk church archives in the beginning of XXth century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. №4(35). pp. 17–20. [in Russian]
- Poljakova, 2014** – *Poljakova E.A.* (2014). Cerkovnye muzei v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve duhovnyh uchebnyh zavedenij v konce XIX – nachale XX v. [Church museums in cultural-educational space of religious educational establishments in the end of XIXth – the beginning of XXth centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. № 2 (28). pp. 68–73. [in Russian]
- Sazonov, 2012** – *Sazonov D.I.* (2012). Kostromskoe cerkovno-istoricheskoe obshhestvo: opyt soedinenija mestnogo i universal'nogo [Kostroma church-historical association: experience of unity between local and universal]. *Kostromskoj gumanitarnyj vestnik*. №3. pp. 38–41. [in Russian]
- Svjatoslavskij, 2013** – *Svjatoslavskij A.V.* (2013). Istorija Rossii v zerkale pamjati. Mehanizmy formirovanija istoricheskikh obrazov [History of Russia in the mirror of memory. Mechanisms of formation of collective images]. Moscow. 593 p. [in Russian]
- Sibircev, 1905** – *Sibircev I.* (1905). Arhangel'skij eparhial'nyj cerkovno-arheologicheskij komitet [the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №5. Unofficial part. pp. 183–192. [in Russian]
- Sivolap, 2005** – *Sivolap T.E.* (2005). Rol' cerkovno-arheologicheskikh muzeev v kul'turnoj zhizni Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [The role of church-archaeological museums in cultural life of Russia (the second half of XIXth – the beginning of XXth centuries)]. *Triumf muzeja?* St. Petersburg. pp. 404–421. [in Russian]
- Skutnev, 2009** – *Skutnev A.V.* (2009). Pravoslavnoe duhovenstvo na zakate imperii [Orthodox clergy on the decline of the Empire]. Kirov. 234 p. [in Russian]
- Smirnov, 1908** – *Smirnov V.* (1908). Otchet o sostave, dejatel'nosti i sredstvakh Arhangel'skogo eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo komiteta za 1907 god [Report on composition, activities and means of the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee over 1907]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №4. Unofficial part. pp. 115–125. [in Russian]
- Suslov, 1888** – *Suslov V.V.* (1888). Putevyje zametki o Severe Rossii i Norvegii [Travel essays about the Russian North and Norway]. St. Petersburg. 72 p. [in Russian]
- Terebikhin, 2014** – *Terebikhin N.M.* (2014). Sakral'naja jekologija i tradicionnye znanija narodov Severa (k postanovke problemy) [Sacred ecology and traditional knowledge of peoples of the North (problem statement)]. *Jekologija cheloveka*. №8. pp. 57–64. [in Russian]
- Teremickij, 1907** – *Teremickij A.* (1907). K opisaniju Arhangel'skogo eparhial'nogo Drevlehranilishha [Toward description of the Arkhangelsk diocesan archives]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №14. Unofficial part. pp. 448-453; №15. Unofficial part. pp. 478–485. [in Russian]
- TZCAKiOIRS, 1918** – Torzhestvennoe zasedanie Cerkovno-Arheologicheskogo komiteta i Obshhestva izuchenija Russkogo Severa [Solemn assembly of the Church-archaeological committee and the Association of the Russian North studies]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №11. pp. 2–3. [in Russian]
- TSECAK, 1912** – Torzhestvennoe sobranie eparhial'nogo cerkovno-arheologicheskogo komiteta [Solemn assembly of the diocesan church-archaeological committee]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. 1912. №18. Unofficial part. pp. 531–534. [in Russian]
- Horova, 2007** – *Horova S.B.* (2007). Arhangel'skij eparhial'nyj cerkovno-arheologicheskij komitet: (K 120-letiju so dnja obrazovanija) [the Arkhangelsk diocesan church-archaeological committee: (toward 120th anniversary of the day of inintiaton)]. *Pamjatnye daty Arhangel'skoj oblasti, 2007 god*. Arkhangelsk. pp. 48–54. [in Russian]
- CA, 1995a** – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 1. Rasprostranenie hriksianstva v Vostochnoj Evrope [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 1. Expansion of Christianity in Western Europe]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 132 p. [in Russian]

CA, 1995b – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 2. Hristianstvo i drevnerusskaja kul'tura (Ser. Arheologicheskie izyskanija. Vypusk 26-2) [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 2. Christianity and Old Russian culture]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 166 p. [in Russian]

CA, 1995c – Cerkovnaja arheologija: Materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii (Pskov, 20-24 nojabrja 1995 g.). Chast' 3. Pamjatniki cerkovnoj arheologii Rossii (Ser. Arheologicheskie izyskanija. Vypusk 26-3) [Church archaeology: Proceedings of the first all-Russian conference. Part 3. Artifacts of Russian church archaeology]. St. Petersburg-Pskov. 1995. 122 p. [in Russian]

Chaplanova, 2014 – Chaplanova M.A. (2014). Cerkovnoe drevlehranilishhe kak muzej (na primere Simbirskogo Drevlehranilishha) [Church archives as a museum (by the example of the Simbirsk Archives)]. *Povolozhskij pedagogicheskij poisk*. № 3(9). pp. 124–126. [in Russian]

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin, I.F., Zadorin, M.Y. (2017). Ethnopolitical landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: The end of XIX – The beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*. (3), 45: 1044-1062. [in Russian]

Freeze, 1985 – Freeze, G.L. (1985). Handmaiden of the State? the Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*. 36(1): 82-102.

N.N., 1891 – N.N. (1891). Uchrezhdenie «Cerkovnogo Drevlehranilishha» v g. Arhangel'ske [Initiation of «The Church Archives» in Arkhangelsk]. *Arhangel'skie eparhial'nye vedomosti*. №13. Unofficial part. pp. 161–165.

Plamper, 2000 – Plamper, J. (2000). The Russian orthodox episcopate, 1721-1917: A prosopography. *Journal of Social History*. (1), 34: 1-34.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2016). Finnish factor in the history of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. (3), 41: 629-641.

Роль церковной интеллигенции в сохранении национальной памяти в Архангельской губернии в XIX – начале XX вв.

Илья Федорович Верещагин ^a, Александр Михайлович Тамицкий ^{a, *},
Николай Михайлович Терехин ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Сохранение и развитие культуры памяти является неотъемлемым условием сбережения и приумножения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества. Интеллигенция как сугубо российское явление, как особый социокультурный слой, сформировавшийся в России в XIX веке, глубоко осознавала свою высокую миссию, связанную с сохранением и развитием культуры памяти российского общества. Целью статьи является раскрытие роли православной церковной интеллигенции в актуализации исторической памяти и институционализации религиозно-культурного наследия Русского Севера. Источниковую базу данных исследования составили материалы фондов Государственного архива Архангельской области и епархиальной церковной периодики. Методический инструментарий исследования образуют методы исторического источниковедения, предполагающие процедуры описания, внешней и внутренней критики и интерпретации письменных материалов и артефактов. В статье дан анализ современной историографической ситуации, сложившейся в процессе обсуждения темы исследования. В результате проведенных исследований было установлено, что провинциальная церковная интеллигенция Архангельской губернии в XIX – начале XX вв. играла существенную роль в сохранении и развитии культуры памяти Русского Севера, в сбережении его религиозно-культурного наследия. Древлехралище, созданное Архангельским епархиальным церковно-археологическим комитетом, имело важное научно-образовательное и воспитательное значение, а также являло собой подлинный институт памяти, призванный сохранять, приумножать и увековечивать ценностно-смысловое наследие геокультурного пространства Русского Севера.

Ключевые слова: провинциальная церковная интеллигенция, культура памяти, церковно-археологический комитет, древлехралище, наследие, памятники, Русский Север, церковная археология, патриотическое воспитание, историческая память.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i.vereschagin@narfu.ru (И.Ф. Верещагин), a.tamitskij@narfu.ru (А.М. Тамицкий), terebihinn@mail.ru (Н.М. Терехин)